

ТЕОРИЯ СТИЛИСТИКИ / STYLISTICS THEORY

Понятие стиля в свете разных теоретических подходов

О. Г. Ревзина

Concept of style in light of different theoretical approaches

O. G. Revzina

Ольга Григорьевна Ревзина – доктор филологических наук, профессор; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

E-mail: orevzina@gmail.com

Статья поступила. 20.11.2023. Принята к печати: 01.12.2023.

Известное со времен античности понятие стиля широко используется в различных областях человеческой деятельности. Стиль представлен в языке, в искусстве, в спорте, в моде и т. д. В статье прослеживается история слова «стиль» в русском языке и обсуждаются различные подходы к стилю в языкознании и в семиотике. Определения стиля как способа деятельности и как совокупности признаков, характеризующих результат деятельности, требует обращения к строению стилистической системы и стилям текстов, к различению денотации и коннотации. В заключительной части статьи концепт стиля получает трактовку с позиций когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: стилистический знак, стилистическая система, стиль в речевой деятельности, концепт стиля

УДК 81`38

Olga G. Revzina – Dr. Sci. in Philology, Professor; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0002-4502-2030

Received: 20/11/2023. Accepted for publication: 01/12/2023.

Known since antiquity, the concept of style is widely used in various fields of human activity. Style is represented in language, in art, in sports, in fashion, etc. The article traces the history of the word *style* in the Russian language and discusses various approaches to style in linguistics and semiotics. The definition of style as a way of activity and as a set of features characterizing the result of activity requires reference to the structure of the stylistic system and styles of texts, to the distinction of denotation and connotation. In the final part of the article, the concept of style is discussed from the perspective of cognitive linguistics.

Keywords: stylistic sign, stylistic system, style in speech activity, style concept

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. В данной статье речь пойдет о стиле в языке и о стилистике как науке, о стилистической системе языка и стилевых разновидностях дискурса. Мы проследим историю слова «стиль» в русском языке, рассмотрим разные подходы к стилю и в заключение попытаемся ответить на вопрос, что же такое стиль.

Методология и методы исследования. Попробуем представить себе некий X, которому приписывают следующие характеристики:

- а) он зарождается, возникает и развивается; он может происходить от другого X, в чем-то подобного;
- б) его можно создавать, следуя имеющимся предписаниям или без таковых;
- в) он присутствует в различных человеческих проявлениях и в различных областях человеческой деятельности; в этих сферах он расщепляется на виды, то есть и един, и многолик; В. Набоков находил его в жизни природы;

г) он является объектом интеллектуальных действий человека: над ним можно работать, изучать, анализировать, о нем можно спорить, его можно применять и использовать;

д) он является объектом эмоционального восприятия человека, его можно любить и ненавидеть, в нем видят «выражение настроения эпохи и народа» и «выражение личного темперамента» (Г. Вёльфлин).

Число этих характеристик можно было бы продолжить, но идентифицировать X по ним затруднительно. Это – стиль, «великое, непреходящее понятие» (С. Спивакова). Многообразное понимание стиля лежит в основе теории стиля и методологии настоящей работы. В рамках предлагаемой концепции используются историко-лексикологический, структурный, семиотический, интроспективный и описательный методы.

Изучение многочисленной и разнообразной литературы о стиле позволило рассмотреть это понятие в рамках серии сложившихся подходов, представленных в науке с XVIII века, при этом учитываются взгляды на проблему, представленные как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Историко-лексикологический подход

Хорошо известно, что слово *стиль* заимствованное. Оно восходит к греческому *stylos*, обозначающему «палочку с острым концом для писания на навощенных дощечках», то есть это инструмент в руках человека, переводящий в письменную форму содержание его речемыслительной деятельности. Не менее известно и то, вслед за латинским *stylus* это слово вошло в европейские языки (итал. *stile*. франц. *Style*, нем. *der Styl*, польск. *Styl*, англ. *style*). *Стиль* вошел в лексикон русского языка в XVIII веке в двух вариантах – *стиль* и *штиль*, соответственно языку-источнику заимствования.

Нельзя сказать, что вместе со словом *стиль* в русский язык пришло новое понятие. Близость к слову *стиль* по сигнификативному и денотативному компоненту обнаруживают исконные лексемы *слово*, *слог*, *склад*. И. И. Срезневский трактует один из лексических вариантов *слова* как «склад речи, способ выражения» с примером из «Слова о полку Игореве» (*Не лепо ли ныбьшеть, братие, начати старыми словесы* [СМ]).

Но главными являются *слог* и *склад*. В «Словаре XI–XVII вв.» слову *слог* (*сълогъ*) дается следующее определение: 1) «то, что соединено, составлено; соединение, сложение», 2) «строение, структура» [С 25, с. 108,]. В этимологическом словаре русского языка близость значений слов *слог* и *стиль* выражена вполне категорично: а) «звук или сочетание звуков как часть слова»; б) «способ, манера изложения мыслей, стиль» [ЭС, с. 385]. Слово *склад* (*съкладъ*) толкуется в «Словаре XI–XVII вв.» с отсылкой к слову *слог*: «1. Сочетание звуков в слове; слог, 2. Соединение, сложение отдельных частей в одно целое» [С 24, с. 201].

В переводных словарях и лексиконах XVIII века слова *стиль* и *исклад* регулярно используются в толковании: словарной статьи, ср. в Вейсманновом лексиконе 1731 г. «*Sylbe, syllaba, слогъ, складъ, суллаба, Syllabisiren, syllabasconjungere – складыватислова*»; в Геснеровом лексиконе 1767 г.: «*Stilusvel. Stylos, m. 3. штиль,*

складъвъ письме, порядокъ, обычай писать, или говорить», Syllabisiren, syllabasconjungere, складывати слова». В «Словаре Академии Российской» та же практика: «ШТИЛЬ, ля. с. м. Лат. 1) Слогъ. Зри сие слово». Также и в «Словаре церковно-славянского и русского языков» 1847 года: «СТИЛЬ, я, с. м. 1) Слог.» [Олзоева, 2014].

Слово *стиль* в русской филологии неразрывно связано с именем В. К. Тредиаковского, употребившего это слово в предисловии к роману «Езда в остров любви» (1834). Он, однако, использовал также и *слог*, и *склад*, ср. в переводе «Науки о стихотворстве» Буало: «Так приятнейшей на взгляд, но простой эклоге / Без богатства долг в своем нежнейшем быть слоге»; «холоден чей склад, есть тот пакостный писатель» [Тредиаковский, 2009, с. 26].

М. В. Ломоносов своим учением о «трех штилях» внес неоценимый вклад в формирование литературного языка нового типа, притом что в «Российской грамматике» он пишет о противопоставлении вариантов флексий в «штиле высоком» и «простом слоге». А. П. Сумароков в эпистолах и статьях о русском языке явным образом предпочитает *стилю* слова *склад* и *слог*.

Знаменитое произведение А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) своим названием уже свидетельствует его о его выборе из слов *стиль*, *склад*, и *слог*. Н. М. Карамзин, будучи противником А.С. Шишкова, тем не менее также предпочитал *слог*, и именно в тех контекстах, в которых напрашивалось слово *стиль*, ср. его перевод части цитаты из рецензии на трагедию «Сид»: «*enstyletantotsublime, tantotbourgeois, tantotsuranne*» – «писанный то высоким, то низким, то старинным слогом» [Карамзин, 1964, с. 107].

Наконец, надо сказать о риториках XVII—XVIII веков как «эпохе начального формирования русской риторики<...>как части европейской науки» [Вомперский, 1988, с. 171]. Это подтверждается отсылками к «Риторике» Аристотеля и у М. В. Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию» (1847), и в «Руководстве к Амвросию Серебренникову» (1778). Второе руководство опирается на ломоносовское, так что в нем используется *штиль* (одна из глав называется «О чистоте штиля»). Показательно, что в «Основаниях российской словесности» А. С. Никольского (1823) отсутствуют *стиль* и *штиль*, и абсолютное предпочтение отдается *слогу* (*чистота слога, приличие слога*).

По данным Национального корпуса русского языка, слово *слог* насчитывает 297 вхождений с 1733 по 1800 г. и 578 вхождений с 1800 по 1850 гг. первое вхождение лексемы *стиль* отмечено 1721 годом, с 1721 по 1793 гг. – 20 вхождений, после чего употребление слова *стиль* неуклонно растет (59 вхождений с 1813 по 1847 г. и 815 вхождений с 1847 по 1900 г.). Слово *штиль* насчитывает 38 вхождений с 1742 по 1800 гг. и 69 вхождений и ещё 80 вхождений с 1812 по 1850 г.

Эти данные включают употребление слова *слог* в значении «часть слова» и «связь порядок мыслей и «образ сочинения, писания, или выражения мыслей словами»; употребление слова *стиль* как альтернативного названия *слога*, а также обозначающего «времячисление по годам» и «совершенную тишину, «безветрие на море»; употребление слова *штиль* с теми же значениями, притом что уже в Словаре 1847 года у слова *штиль* отмечаются только два последних значения.

Общая тенденция очевидна: *слог*, абсолютно превалировавший в XVIII и XIX веках, уступает свои позиции слову *стиль*. (Автор статьи выражает благодарность С. А. Олзоевой, предоставившей статистические данные и примеры употребления слова «стиль» из НКРЯ).

Представленная здесь история слова *стиль* претендует на полноту. Тем более это относится к драматическим сюжетам, относящимся к истории русского литературного языка XVIII–XIX вв., всесторонне освещенной в трудах Л. А. Булаховского В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. М. Живова, Б. А. Успенского.

Мы хотели показать, во-первых, что русский лексикон располагал целым рядом слов, которые по своему значению пересекались со значением слова *стиль* (сюда можно отнести не только *слово, слог, склад*, но и *речь, и речение*, в некоторых контекстах *выражение*, вошедшее в русский язык в XVIII веке заимствование *манир/манер, манира/манера*) и «проиграли» ему в конкурентной борьбе. Исконно русские слова имели большое преимущество – укорененность в истории, словообразовательные гнезда (если по-другому – наличие внутренней формы), богатая сочетаемость, частота использования. Получается, что все эти характеристики теряли свою значимость перед необходимостью дать языковое воплощение тому концепту, которому в конечном счете было присвоено название *стиля*.

Стиль получает широчайшее распространение в русском литературном языке XX–XXI веков, обрастая многими производными: *стилистика, стилевой, стилистический, стилизованный, стильный, стилист, стилистка, стилизатор, стилизация, стилизовать* и др. Стиль проявляется в самых разнообразных денотативных областях («ментальных пространствах», если воспользоваться термином когнитивистики): в языке, в мышлении, в живописи, архитектуре, музыке, кинематографе, спорте, в моде, в дизайне, в рекламе, в бизнесе, в руководстве, в поведении человека. Кстати, названия магазинов «Территория стиля», «Философия стиля» говорят об общеупотребительности и общепонятности этого слова.

В «Большом толковом словаре» у многозначного слова *стиль* выделяется восемь значений (*стиль* как «способ летосчисления» представлен отдельной словарной статьёй), их толкование сводится к двум вариантам:

а) стиль определяется как «совокупность признаков», характеризующих ту или иную денотативную область; максимальное обобщение этот формат получает воплощение в следующей формулировке: «совокупность характерных признаков, особенностей, свойственных чему-л., присущих чему-л.» [БТС, с. 1269];

б) стиль определяется как «способ осуществления чего-л., характер деятельности, работы в их отличительных признаках» [Там же].

В этих толкованиях сосредоточено, как представляется, то, что можно назвать «загадкой стиля»: это совокупность признаков «готового продукта» и это деятельность (способ действия) по созданию данного продукта.

Человеческая мысль неизменно обращалась и обращается к познанию и пониманию стиля. Ниже рассмотрены различные подходы к определению и изучению стиля.

Структурный подход

В языкознании стилистическая система стала предметом специальной дисциплины, основателем которой справедливо считается последователь Ф. де Соссюра Шарль Балли, считавший предметом стилистики «словесное выражение мысли». Выделив в мышлении логический и эмоциональный элементы, он определил стилистику как науку, которая изучает «экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувство» [Балли, 2001, с. 33]. Он видел в чувствах две категории: «а) индивидуальные чувства, чисто эмоциональные побуждения и б) социальные чувства, порожденные соображениями, истоки которых находятся вне личности говорящих» [Там же, с. 26]. Индивидуальным чувствам соответствует эмоциональная окраска, социальным чувствам – социальная окраска: «...когда наши впечатления непосредственно вытекают из значения речевых фактов, мы говорим о собственно эмоциональной окраске; когда же они косвенно определяются теми формами жизни и деятельности, с которыми мы мысленно связываем речевые факты, мы говорим о социальной окраске» [Там же, с. 255]. Ш. Балли, таким образом, показал принципиальное различие эмоциональной и социальной окраски.

Для идентификации эмоции в самом языке имеется «язык описания» – лексические названия эмоций («понятийно-логический язык»), так что сам «сам процесс заключается в нахождении чисто логического эквивалента для каждого данного выражения» [Там же, с. 48]. Социальная окраска такими внутриязыковыми идентификаторами не обладает; говоря о ней, Ш. Балли прибегает к понятию общего языка. «Общий язык – это та норма, при сопоставлении с которой выявляется социальная окраска, точно так же, как понятийный язык является критерием для определения собственно эмоциональной окраски» [Там же, с. 247]. Однако в отличие от понятийного, общий язык представляет собой конструкт, он «рассеян по всей поверхности речи» – неслучайно Ш. Балли уподоблял социальную окраску «запаху, характерному для той среды и тех обстоятельств» [Там же, с. 238], в которых речевые факты обычно употребляются.

Ш. Балли видит в общем языке «нечто вроде общего мозга» и дает следующее определение: «Выражение в речи общего психического склада, присущего данной языковой группе, – вот что мы называем общим языком<...> это совокупность речевых фактов, которые выражают постоянные формы жизненного уклада, свойственного данному языковому сообществу» [Там же, с. 245]. Содержание социальной окраски Ш. Балли раскрывает исходя из понятия среды: «Среда – это «*состояние*, характерное для всех членов данной группы», то есть условия бытия, независимые от человека и стоящие над ним, или обычные формы *деятельности и мысли*, наблюдаемые в данной среде, или же чаще всего – сочетание этих факторов», которые в свою очередь определяют «*взаимоотношения между людьми* внутри группы» [Там же, с. 252]. Ш. Балли пишет о научном и разговорном языке, о художественной и фамильярной речи, но стиль как концепт не является предметом его рассмотрения.

В отечественном языкознании структурный подход Ш. Балли был поддержан и развит Г. О. Винокуром и М. В. Пановым.

Г. О. Винокур пишет о стилистической системе русского языка и о стилистических оппозициях: «...звуки той или иной стилистической окраски формы и знаки той же окраски входят в одну стилистическую систему в противовес звукам, формам и знакам другой окраски, и из взаимодействия всех таким систем создается общая стилистическая жизнь языка» [Винокур, 1959, с. 223].

М. В. Панов ввел понятие стилистической парадигмы: «Ряд *дом– дома – дому* возможен как явление грамматическое, потому что в языке существует определенная системная единица: падежная парадигма, состоящая из нескольких, определяющих друг друга членов; каждый член (например, форма дательного падежа) воспринимается на фоне других членов. Эти парадигматические отношения выражаются аффиксально. Подобно этому и в области стилистических противопоставлений есть своя парадигма, состоящая из нескольких определяющих друг друга членов: какой-то единицы нейтрального стиля и воспринимающихся на её фоне единиц высокого и разговорного стиля. В отличие от грамматики, противопоставления здесь выражены не аффиксально, а супплетивно (ср. *глаза–очи–гляделки*)» [Панов, 2004, 1, с. 111-112]. Тем самым дано основание четко выразить то, что Ш. Балли объяснял содержательно в отношении социальной окраски: стилистические значения не имеют собственных формальных показателей, и в этом состоит своеобразие (по слову Г. О. Винокура) стилистической системы языка.

«Три правила» М. В. Панова позволяют понять соотношение трех языковых стилей в стилистической системе языка:

а) «...слова окрашенных стилей *должны* иметь синоним в нейтральном стиле; слово нейтрального стиля *может* иметь синоним в окрашенном стиле» [Там же, с. 107];

б) большая часть слов имеет соответствие либо в высоком, либо в сниженном стилистическом ярусе, но не в обоих вместе. «Стиль высокий и разговорный в современном языке не соотносятся друг с другом непосредственно, а лишь через посредство связи с нейтральным» [Там же, с. 106];

в) стилистические единицы высокого и сниженного стилистического ярусов различаются по объему, внутренней семантической дифференциации, «интенсивности стилистической окраски». Высокий стиль характеризуется стилистической яркостью, относительно небольшим числом стилистических показателей, присутствием семантических разновидностей. Разговорный стиль – это обилие носителей стилистического смысла “разговорность,” слабая степень интенсивности, «расслоение, разграничение между словами едва намечено: настолько они подвижны и изменчивы в своей стилевой окраске (в зависимости от контекста)» [Там же, с. 110].

Менее развернутыми, но столь же глубокими и перспективными являются наблюдения М. В. Панова над синтагматикой стилистической системы: «...для слов с резкой стилистической окрашенностью первостепенную важность парадигматические противопоставления. Именно они и создают эту высокую разность стилистических потенциалов. Для слов же, имеющих слабые стилистические оттенки, важны чаще всего синтагматические сопоставления» [Там же, с. 112].

Таким образом, М. В. Панов показал, что дуальность русской культуры, о которой писали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, находит воплощение в стилистической системе русского языка. Структурный анализ М. В. Панова стал основанием для построения стилистической шкалы русского языка, которая «перерезается по вертикали» передачей эмоции и оценки, а также характеристикой по признаку «архаичность» – «новизна» [Ревзина, 2020, с. 45—56].

Наряду с языковыми стилями М. В. Панов рассматривает стилевую характеристику текста, которую он предлагал рассматривать «как дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях» [Там же, с. 113]. Стиль текста, по его мысли, должен изучаться исходя из языковой системы, поскольку в ней закреплены «многообразные возможности стилистического выбора».

М. В. Панов выделяет следующие черты текстовых стилей:

а) текст может состоять целиком из слов нейтрального стиля, хотя такие тексты «гораздо более редки, чем предполагается» [Там же, с. 113],

б) в тексте могут встречаться слова нескольких окрашенных стилей. В пределах одного текста такие слова «резко констатируют» между собой. Следуя традиции XVIII века, М. В. Панов считает стилевую характеристику текста непосредственно связанной с жанром и относит наименования «высокий стиль», «низкий стиль» у М. В. Ломоносова «именно к стилистическим жанрам» [Там же, с. 109].

По вопросу о существовании языковых стилей были выдвинуты две противоположные точки зрения.

В. В. Виноградов разделял точку зрения М. В. Панова. «Описать и установить систему литературного языка в тот или иной период его истории, – писал он – это значит дать полную характеристику его звуковой грамматической и лексико-фразеологической структуры <...> выделить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и их взаимодействие и сферы их применения» [Виноградов, 1978, с. 155].

Функциональный подход

Противоположная точка зрения наиболее четко была выражена К. А. Долининым: «... многие лингвисты без достаточных на то оснований попытались усмотреть в самой *системе языка* функциональную дифференциацию, которая соответствовала бы разграничению основных сфер и типов человеческой деятельности <...> В результате основные, наиболее крупные и часто выделяемые функциональные стили были объявлены принадлежащими языку, а установление системы функциональных стилей и описание их признано важнейшей задачей лингвистической стилистики, т. е. стилистики языка» [Долинин, 1978, с. 63-64].

Функциональные стили, пишет он, отражают речь, и именно речевая системность была положена в концепцию функциональных стилей: «...взаимосвязь единиц на основе определенного функционально-стилистического значения создается именно в конкретном контексте, отражающем традиционно-типовую сферу общения. Такого рода взаимосвязи единиц различных уровней нет в языковой системе (точнее, в её структуральной модели). Объединение их, создание

определенного стиля происходит в речи, в процессе функционирования, на основе выполнения конкретного коммуникативного задания. Так, потенциальные стилистические возможности единиц языковой системы реализуются, формируя конкретный речевой стиль» [Кожина и др., 2008, с. 96–97].

В функциональной лингвистике были выявлены различия между научным, публицистическим и официально-деловым стилями исходя из структуры акта коммуникации и определен набор стилеобразующих языковых признаков (с использованием статистических подсчетов) для функциональных стилей.

Функциональная стилистика следует филологической традиции XVIII века в том, что связывает стиль и жанр, и в том, что существуют правила построения текстов внутри жанров разных функциональных стилей. «Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут именно от него именно такого речевого поведения» [Долинин, 1978, с. 60].

В статье автора настоящей работы каждый из функциональных стилей рассматривается исходя из триединства составляющих (коммуникативной, когнитивной и собственно языковой) и специфической для каждого из трех стилей картины мира [Ревзина, 2020, с. 142].

В 1980 году вышла монография Т. Г. Винокур «Закономерности стилистического использования языковых единиц». В названии присутствует слово «закономерности», однако речь здесь идет не о тех закономерностях, о которых писал М. В. Панов применительно к системе языка. Т. Г. Винокур поставила в центр изучения стилистики узус в том понимании, который придал этому термину Л. Ельмслев: «манифестация схемы, совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемого употребления» [Винокур 1979а, с. 19].

Она дает собственное краткое определение узуса – «коллективные навыки *употребления* языка обществом» [Винокур, 2009а, с. 20] и исследует свойства стилистического узусарусского языка второй половины XX века на материале устной речи, публицистического и художественного дискурса. Показано, что в употреблении нейтральных и стилистически маркированных языковых единиц носитель языка руководствуется вовсе не тем, к какому стилю принадлежит слово, а ситуацией общения, коммуникативным намерением, «экспрессивным заданием»: «Современное состояние в нашем обществе таково, что пересечение, скрещивание разных стилистических пластов в пределах не только связных текстов, отражающих закономерности определенного типа речи, но и в рамках отдельного высказывания, стало стилистической нормой – образцом, к которому речевой акт стремится в целях наибольшей выразительности общения» [Там же, с. 25].

Следует отметить, что дихотомия «стилистика языка» – «стилистика речи» фактически снимается в определении стиля, данного В. В. Виноградовым, куда включаются и «совокупность признаков», и «употребление»: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная

с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1981, с. 19].

Семиотический подход

Один из путей к семиотическому пониманию стиля был предложен в статье [Успенский, 1969], где рассматривается «стилистическое разнообразие как *внутриязыковое многоязычие*» [Там же, с. 489]. Понимая стилистические различия как варианты «реализации некоторой системы более общего порядка <...> иначе говоря, как в принципе равноправные подъязыки одного и того же языка» [Там же, с. 490].

Б. А. Успенский выделяет три условия выделения стилей:

а) «признание потенциальной эквивалентности различных стилей в отношении передаваемого содержания» [Там же],

б) «знание соотношений между языками и стилями» [Там же, с. 494],

в) знание стилистических противопоставленности и стилистической однородности языковых элементов,

г) определение стилистического значения через отсылку к стилю: «именно принадлежность языкового элемента к тому или иному стилю определяет его стилистическое значение» [Там же, с. 496].

Подход Б. А. Успенского во многом близок структурному подходу М. В. Панова.

Иные стороны собственно семиотического рассмотрения стиля были заданы Л. Ельмслевом, который строил свою «алгебру языка» в сложной, не получившей широкого распространения терминологической системе. Определяя знак, Л. Ельмслев использует такие понятия, как материал содержания – форма содержания – субстанция содержания и, соответственно, материал выражения – форма выражения – субстанция выражения. Материал содержания – общий фактор для всех языков, «сама мысль» [Ельмслев, 1999, с. 77]. Денотативная семиотика по Ельмслеву – это и есть субстанция содержания. Коннотативная семиотика относится к структуре языка, как и денотативная семиотика. Перечисление того, что относится к коннотативной семиотике, и что, как пишет Л. Ельмслев, «энкатализируется» в текст, относится и к языку, и к речевой деятельности.

Он рассматривает «различные части текста и части его частей» и выделяет следующие явления: «различие **стилистических форм**», куда отнесены стих, проза и «различные виды их смешения»; различие **стилей** (творческий, нормальный, творческий подражательный, «называемый архаическим»; различие **оценочных стилей** (Л. Ельмслев называет высокий, низкий (вульгарный) и нейтральный стили); различие **средств**, куда включаются «речь, письмо, жесты, сигнальные коды флажками и т.д.); различие эмоциональных тонов (сердитый, радостный и т.д.); различие **идиом**: к ним отнесены **говоры** («язык того или иного коллектива, жаргоны различных групп и профессий), различные национальные языки, региональные языки (общенародный язык, локальный диалект и т.д.); «различные индивидуальные особенности (присущие выражению акустические и артикуляционные различия)» [Там же, с. 236—237].

Л. Ельмслев не представил тщательной разработки коннотативной семиотики: «Целью данных перечислений, – писал он, – не является исчерпывающее описание

этих явлений или их формальное определение; наша цель – указать на самый факт их существования и на их многообразии» [Там же, с. 238]. Однако его подход явился мощным импульсом для теоретической стилистики, прежде всего, это касается структуры языкового знака. По определению Л. Ельмслева, план выражения коннотативной семиотики представлен планом содержания и планом выражения денотативной семиотики» [Там же, с. 241].

Языковой знак представляют как двустороннюю единицу, в которой соединены означающее и означаемое (план выражения и план содержания). В означаемом, в свою очередь, различают сигнификат (языковое значение), денотат (множество объектов во внеязыковом мире, именем которого может выступать языковой знак) и референт – объект или совокупность объектов, которые имеет в виду говорящий, используя данный языковой знак. Например, слово *мак* – языковой знак, в котором означающее – [мак], сигнификат – “травянистое растение с крупными цветками”, денотат – все множество так именуемых цветов, а в высказывании *Катя поставила в вазу один красный мак* выделяется и конкретный референт – красный мак в вазе. Можно предположить, что это и есть вся информация, которую передает языковой знак. И все же один аспект в данном описании не учтен. Означающее [мак] в другом языке может быть соотнесено с совершенно иным означаемым (в английском *tuck* – «навоз»), а то же означаемое – иметь другое означающее (в английском языке «мак» – *porru*).

Таким образом, языковой знак является носителем еще одного вида информации – о той конкретной языковой системе, которой он принадлежит. И это значение передается не по отдельности означающим или означаемым, а только их соединением, то есть языковым знаком целиком. Итак, сложившееся описание структуры языкового знака не является полным: языковой знак, состоящий из означаемого и означающего, является одновременно означающим для другого означаемого.

Для носителя языка (внутренняя точка зрения) информация о языковом знаке как входящем в его язык в большинстве случаев не значима, ибо эта информация разумеется сама собой. Э. Бенвенист писал о языковом сознании француза: «Понятие («означаемое») «бык» в моем сознании неизбежно отождествляется со звуковым комплексом (означающим) *boeuf*. И может ли быть иначе? Вместе запечатлены они в моем сознании, вместе возникают они при любых обстоятельствах» [Бенвенист, 1974, с. 90]. Но уже восприятие заимствований показывает, что и при внутренней точке зрения языковая рефлексия носителя языка проявляется вполне отчетливо: чуждое русскому языковому уху означающее подвергается деформации, ср. просторечные *какава*, *колидор* и под.

Писатель Н. Лесков в свое время создал особый язык – *linguaconfecta*, основанный на отторжении заимствований народным языковым сознанием, ср. *Аболонполведерский* (*Аполлон Бельведерский*) и др. При внешней точке зрения значение принадлежности к определенной языковой системе, присущее языковому знаку, выделяется еще более явно. Иллюстрируя это положение, Жерар Женетт приводит следующий анекдот. Во время второй мировой войны двух не говорящих по-английски немецких парашютистов сбрасывают на территорию Великобритании.

Зайдя в бар, тот, что поспособнее, произносит выученную фразу: “Two Martinis, please” («Два мартини, пожалуйста»). На беду бармен переспрашивает: “Dry?” («Сухое?») – и получает фатальный ответ: “Nein, zwei!” (“Нет, два!”). “Теперь вы знаете, почему Германия проиграла эту войну”, – так заканчивается анекдот [Женетт, 1998, с. 424]. С другой стороны, знание того, что говорящий использует другой язык, побуждает к интерпретации его в рамках собственного: на этом строятся знаменитые сцены в «Войне и мире», в которых русские солдаты общаются с пленными французами.

Коннотативное означаемое типа «русскоязычие» присуще всем языковым знакам, подобно тому, как Л. Ельмслев выделял «датскоязычие» в отношении датского языка, а Ж. Женетт – «франкоязычие» в отношении французского языка. Это есть сигнал языковой идентификации, языковой рефлексии и «внешней» точки зрения. Внутри языковой системы коннотативный уровень остается свободным для передачи самых различных значений, всегда так или иначе прагматически значимых для всего социума, для его части или для конкретного индивида. Эти значения составляют такую же неотъемлемую составляющую языковой ткани всякого сообщения, как и денотативные значения.

Единицей стилистической системы является стилистический знак, являющийся коннотативным знаком «...стилистическое значение языкового знака – это коннотативное означаемое, чьим означаемым выступает данный знак как единство денотативного означаемого и денотативного означаемого» [Долинин, 1978, с. 44]. Интуиции Ш. Балли относительно социальной окраски и утверждение М. В. Панова о флективности стилистических парадигм получают четкое обоснование в семиотическом подходе.

Своеобразие стилистической системы, о котором писал Г.О. Винокур, прослеживается по многим параметрам. Представим те из них, которые оправданно сформулировать в рамках семиотического подхода. Единицей стилистической системы является стилистический знак, который состоит из коннотативного означаемого и коннотативного означаемого; все единицы языка являются стилистическими знаками. Стилистические знаки делятся на собственно стилистические, выразительные и интертекстуальные;

а) первые коннотируют конкретные стилистические значения – это информация о типологических характеристиках человека (пол, возраст, региональная, социальная, профессиональная, конфессиональная характеристика), информация об акте коммуникации – условиях общения, о предмете общения (“положение дел”), об отношениях коммуникативных партнеров и отношении к предмету сообщения; стилистические смыслы (норма, разговорность, книжность, просторечность и др.) – точки зрения, закрепленные в системе языка, задающие способы видения мира в данном языковом социуме (толкование стилистических смыслов и строение стилистической шкалы русского языка представлено в [Ревзина, 2020, с. 45–56]);

б) выразительные знаки (окказиональные слова, тропы, фигуры речи и др.) представляют отступления от нормы и тем самым коннотируют норму;

в) интертекстуальные знаки отсылают к текстам и коннотируют тексты.

Все три типа знаков принимают участие в формировании стиля текста и стилевых разновидностей дискурса.

Покажем значение стилистических смыслов как «точек зрения», на примере о рассказа В. М. Шукшина «Охота жить». В рассказе два персонажа – старик-охотник и парень, бежавший из тюрьмы. Старик с первых реплик парня определяет: «Выговор у парня не здешний, «расейский» [Шукшин, 2009, 3, с. 90], парню чуждо ненормативное произношение старика:

- *Иолог какой-нибудь? – спросил он.*
- *Кто? – не понял парень [Там же].*

Языковое разделение прослеживается на протяжении всего рассказа и выражается на разных языковых уровнях. В речевой партии старика представлены разные виды просторечия, если воспользоваться классификацией [Петрищева, 1973]:

просторечие, вызванное неполным владением литературным языком: *куфайка, жись, убивство, шешнацать, сурьезно, А шампанская-то на какиешиши будешь распивать?;*

деревенское просторечие, накрепко связанное с региональными вкраплениями: *лонись, согра ботало, лесины;*

так называемое «народное» просторечие: *К утру все одно выстынет; Тычего рассерчал-то на меня; Это знамо дело.*

Языковое противоположение поддерживается графически: в речевой партии старика представлена фонетическая транскрипция нормативного разговорного произношения, что на письме выглядит как отклонение от нормы: *Чайку щас поставим, Живи, мне што, Хорошего-то мало, конечно, Поймают вить.* Напомним, что по социальная окраска (социальная характеристика) коннотирует, по Балли, представление о среде с присущими ей «формами деятельности и мысли» [Балли, 2001, с. 252].

В рассказе В. М. Шукшина «среда» – это деревня и город. Но и профессия определяет способ мышления, его предмет, и если идти дальше – все представления о Боге, о добре и зле, о жизни и смерти. В рассказе нет специальных охотничьих терминов (кроме, может быть, *белковать*), но само отношение к природе у старика определяется тем, что старик – охотник, и знает, что природа много дает, но охотник не должен быть хищником. У парня, *Коли-профессора*, тоже есть своя «профессия» – вора, убийцы. В рассказе нет специальной блатной терминологии, и все же в одном случае, используя общеупотребительное и «специальное» значение слова, В. Шукшин вскрывает ту пропасть, которая лежит между мирами двух персонажей:

- *Садись, чего стоять-то?*

Парень улыбнулся.

- *Так не говорят, отец. Говорят – присаживайся.*

– *Ну, присаживайся. А пошто не говорят? У нас говорят [Шукшин, 2009, 3, с. 90].*

Между парнем и стариком разворачиваются прения о добром и злом человеке, о том, что значит *жизнь/жись*. Мы не ставим здесь целью произвести полноценный лингвостилистический анализ рассказа В.М. Шукшина и раскрыть всю его глубину. Ограничимся одним замечанием. Рассказ называется «Охота жить», старик – охотник,

но и парень – тоже охотник, охотник – хищник, со *стылым* взглядом, уничтожающий жизнь, чтобы взять свою *долю*.

Семиотическому понятию стиля посвящена статья Ж. Женетта «Стиль и значение» [Женетт, 1972], в которой предпринят глубокий и сущностный анализ языкового знака и стиля в семиотическом плане и, пожалуй, внесен большой вклад в понимание языка и текста как семиотических объектов. Мысль Ж. Женетта движется в поисковом режиме, он широко использует европейский философский и культурологический дискурс и не формулирует окончательных ответов, а прокладывает к ним путь по ходу собственных рассуждений.

В центре внимания Ж. Женетта находится отношение между денотацией и коннотацией в языковом знаке и в стиле. В эту тему постепенно втягиваются буквально все вопросы стилистики, в том числе и те, которые прежде не ставились в теоретическом аспекте. Ж. Женетт дает следующее определение коннотации: «коннотация – это вторичное, или производное значение, возникающее за счет того, каким образом обозначается (или денотируется) значение первичное; разговорное слово «patate» [картошка] имеет в качестве денотата картофель, а коннотирует свою разговорность» [Там же, с. 411]. В этом определении самое главное – это утверждение связи между денотативным и коннотативным значением слова.

Такая связь не обсуждалась и не постулировалась в структурной стилистике. Ход рассуждений Ж. Женетта можно представить следующим образом:

а) он обращается к логической оппозиции объем/содержания понятия (extension – comprehension) и её эквивалентности оппозиции денотация – коннотация: «...слово «собака денотирует все семейство псовых и каждого из его представителей (объем понятия) и коннотирует качества, характерные для этого семейства» [Там же, с. 411]; применительно к стилистическому значению такая трактовка не имеет смысла: остается непонятным, «каким образом разговорное слово «patate», объем которого биологический вид «картофель», может иметь содержанием собственное разговорное употребление» [Там же, с. 412],

б) он обращается к выдвинутому Г. Фреге разграничению смысла (Sinn) и денотации, или референции (Bedeutung), делая следующий шаг, предложив понять и перевести Sinn как «коннотацию»; правомерность такого перевода обосновывается следующим образом: содержание в противопоставлении объему «отсылает скорее к некоему *аспекту*, присущему обозначаемому предмету», коннотация – «к *точке зрения* говорящего; но понятно, что аспект и точка зрения связаны друг с другом так же неразрывно, как лицевая и оборотная сторона бумажного листа: аспект определяет собой либо выявляет точку зрения, а точка зрения выбирает и высвечивает аспект» [Там же, с. 413]. По форме своей весьма абстрактное, это утверждение имеет прямое отношение к стилистике.

Применительно к стилистической системе М. В. Панов писал: «Слова, стилистически соотнесенные, характеризуются именно тем, что их **лексическое** значение совершенно тождественно; в этом смысле они подлинные синонимы» [Панов, 2004, с. 104]. Той же точки зрения придерживается Б. А. Успенский, говоря о тождественности содержания фраз, принадлежащих разным стилям либо разным языкам, при этом под тождеством понимается «известное – как в математике, так и в

лингвистике и семиотике – определение смысла (информации) как инварианта при обратимых операциях перевода» [Успенский, 1969, с. 489, *сноска*]. Иначе говоря, «аспект» в виде точки зрения никак не влияет на содержание понятия. Но так ли это на самом деле?

Обратимся к приводимой М. В. Пановым классической стилистической парадигме *очи–глаза–гляделки*. Глаза могут быть *близорукими* и *дальнозоркими*, *глубоко посаженными* и *подслеповатыми* и т.д., но *очи*, содержащиеся в качестве своего аспекта эстетическую точку зрения, не сочетаются с этими определениями, Получается, что объем и содержание понятия (концепта) *очи* отличается от концепта *глаза*. *Очи* соотносятся только с такими органами зрения, которым изначально придан ограничивающий это множество признак, а именно соответствие «стандарту» красоты. Поэтому сочетание **красивые очи* – это собственно говоря, плеоназм, как *масло масляное*: имеет место повтор одного и того же семантического признака в определяющем и определяемом. И в обратную сторону: сочетания **подслеповатые очи*, **косые очи* неприемлемы, поскольку признак, называемый определением, не совместим с тем, который содержится в означаемом. Отсюда и возможное противопоставление *глаза /очи*.

Так описываются глаза Ульяны Громовой – персонажа когда-то широко известного романа А. Фадеева «Молодая гвардия»: *А у Ули глаза были большие, темно-карие, – не глаза, а очи, с длинными ресницами, молочными белками, черными таинственными зрачками, из самой, казалось, глубины которых снова струился этот влажный сильный свет* [Фадеев]. И если *глаза* в качестве прямой номинации производят прямую референцию к объекту, то *очи* способны только к косвенной референции (косвенной денотации, как это называет Ж. Женетт). Но если *глаза* и *очи* не тождественны ни по содержанию, ни по объему, придется отказаться от понимания стилистических значений и стилистических смыслов как дополнительных значений, не связанных, с нашим мышлением. Ж. Женетт остался вне когнитивной научной парадигмы, но когнитивистика, предмет которой (в том числе) – как люди думают и каким образом понимают друг друга – стала бы для него союзницей.

В самом деле, мы думаем по-разному, имея дело с концептом *глаза* или с концептом *очи*, что и получает выражение в том, как и что мы можем сказать об этих концептах. То есть взаимодействие денотативного и коннотативного компонентов в значении слова оказывается очень глубоким, глубже, чем мы можем предположить. Когда утверждается, что «стиль в лексике – «категория оценочная» [Панов, 2004, с. 164], мотивация самой оценки выводится из рассмотрения.

Парадигму *очи – глаза – гляделки* можно дополнить такими словами, как *мигалки*, *буркалы*, *бельма*, *зенки*. Все они относятся к сниженному стилистическому ярусу. В «Словаре синонимов» отмечается «уничижительно-пренебрежительный» характер этих названий [СС, с. 231], то есть это безусловно оценочные слова. На чем же покоится мотивация отрицательной оценки?

Гляделки образованы от глагола *глядеть* – «направить взгляд на кого-либо, на что-либо или куда-либо, смотреть». Глаза как орган зрения называются, таким образом, по своей основной функции, не подлежащей какой-либо оценке. Сходным образом, *мигалки* образованы от глагола *мигать* – «непроизвольно, быстро опускать и

поднимать веки» (также и о глазах: «непроизвольно, быстро закрываться и открываться»). Когда человек мигает, он защищает глаза, то есть речь идет о полезной функции, которая, опять-таки никак не может вызвать субъективной оценки. Следовательно, здесь действует иной механизм, который, можно предположить, состоит в следующем. Слово *глаз* называет орган зрения во всей его целостности, то есть в совокупности всех присущих глазу характеристик и свойств. *Гляделки* – метонимическая номинация, обозначающая глаз по его функции, сводящая глаз к этой функции и тем самым представляющая его дефектным. Та же мотивация представлена и в случае метафоры в сочетании с метонимией. *Бельмо* (помутнение роговой оболочки глаза) имеет вид белого пятна на глазу. *Бельма* как название глаз – обозначение целого по его части, и притом по его дефектной части. Мы сталкиваемся здесь с достаточно сложным мыслительным механизмом: *глядделки* и другие сниженные слова отсылают к слову *глаза*, воплощающему концепт нормы, деформируют его и дают оценку этому дефектному объекту.

Сам Ж. Женетт далек от вынесения окончательных суждений. Он обращается к различению смысла и значения в понимании Сартра: «Значение привносится в объект извне, через означающую интенцию, смысл же есть естественное свойство вещей» [Женетт, 1972, с. 415]. Например, сокращение «XVII» конвенционально и означает определенное столетие, но *портшез* («переносное кресло», в котором можно сидеть полулёжа»), будучи вещью, значения не имеет: вещь просто существует вместе со всеми своими свойствами, в том числе со своей принадлежностью XVII веку. Таким образом, заключает Ж. Женетт, знак и вещь, будучи различными по своей природе, демонстрируют разные типы означивания одного и того же референта.

Однако знак и вещь отнюдь не так далеки друг от друга, как это следует из приведенной части рассуждений Сартра. На других примерах Сартр показал, что знак может функционировать как вещь (например, французское слово *puit* «может сверкать или звучать как вещь»), а вещь может функционировать как знак (например, стоящий «в стратегически важном месте» портшез может указывать на то, что «враг движется с запада» [Там же, с. 418].

Но полностью снимается различие между знаком и вещью в той семиотике, которую Ж. Женетт называет «гудменовской» по имени Нельсона Гудмена, автора ряда работ по теории знаков и языкам искусства. В отличие от Сартра, Ж. Гудмен объединяет слова и вещи в единую категорию *символизации*, или *референции*, «когда некая вещь замещает собою другую вещь, какова бы ни была связь между ними» [Там же, с. 419]. В этом пространстве выделяются две модальности – денотация и экземплификация.

Денотация – «простое наклеивание ярлыка (словесного или любого иного) на одну или несколько вещей» [Там же, с. 420]. Экземплификация требует особого внимания. Здесь исходная посылка такая: «вещь может экземплифицировать лишь то, что ей принадлежит» [Там же]. Например, чтобы такая вещь, как фуфайка могла экземплифицировать зеленый цвет, она *должна быть* зеленой.

Таким образом, экземплификация «заключается в том, что «некий объект (в том числе и слово) символизирует собой некий класс объектов, к которому он принадлежит и предикат которого, обратно, приложим к нему самому, иным словами денотирует этот объект» [Там же].

Термины иногда препятствуют пониманию, но имеет смысл «прорваться» сквозь термины, чтобы увидеть объяснительную силу гудменовской семиотики. Здесь прослеживается одна и та же мысль от понимания коннотации в логике через сартровское различие смысла и значения к объединению языковых знаков и материальных объектов («вещей») с точки зрения их бытия. По существу, это такая онтология денотации и коннотации, которая действительно объясняет сущность именно коннотации и стилистического значения. Причем, поскольку «объектом» в рассуждениях Н. Гудмена может быть как отдельный языковой знак, так и целый текст, устраняется противопоставление языка как системы и продуктов речевой деятельности. И слово *очи*, и высокий стиль текста экземплифицируют одну и ту же точку зрения и денотируют через предикат свои объекты. Таким образом, здесь происходит не прямая, а косвенная денотация обозначаемого объекта.

Ж. Женетт в своей работе дает несколько семиотических определений стиля, из которых главных два: «Стиль – это коннотативная функция дискурса в оппозиции его денотативной функции» [Там же, с. 411] и (после введения понятия экземплификации) «Стиль – это экземпликативная функция дискурса в оппозиции его денотативной функции» [Там же, с. 423].

Эти определения интересны тем, что они приложимы как к функциональным стилям, так и таким стилистическим классификациям, которые характеризуют восприятие стиля коллективным субъектом и передаются перцептивными и оценочными прилагательными: стиль может быть *легким, тяжелым, ясным, чистым, блестящим, прозрачным, мутным, вязким, сухим, пресным, сладким, приторным; превосходным, изумительным, отличным, прекрасным, неплохим, хорошим, отвратительным, ужасным, невозможным, никуда не годным, дурным, плохим*.

Ведь ясно же, что, называя стиль, скажем, *слащавым*, субъект оценки опирается на какие-то признаки данного конкретного текста, но вряд ли сможет их выделить и назвать. Семиотическое определение стиля показывает в этом случае свою объяснительную силу. Признак «слащавость» коннотирует класс текстов, к которому он принадлежит и косвенно денотирует его, поскольку сам наделен этим признаком. Дальше в этом тексте могут выделяться стилистические черты. Они могут не совпадать у разных субъектов оценки, но не могут быть исчерпаны, потому что денотируют квалификацию «слащавость» всеми своими свойствами.

Чтобы поставить в этой теме завершающий аккорд, приведем еще один примера Ж. Женетта. Французское прилагательное «long» денотирует длину и экземплифицирует «краткость». Но этим дело не ограничивается – «long» как соединение означающего и означаемого имеет еще одну коннотацию – коннотацию франкоязычия. «Таким образом, (целостное) слово «long» несет в себе не два, а по крайней мере четыре значения: свою денотацию (длина), экземплификационное значение своей физической характеристики (краткость) и два коннотационных значения, основанных на взаимосвязи двух первых, – принадлежность французскому языку и «антиэкспрессивный» характер» [Там же, с. 424].

Это рассуждение может быть с полным основанием применено к стилю: «ибо не бывает дискурса без стиля, равно как и стиля без дискурса» [Там же, с. 438]. Дискурс, пишет Ж. Женетт, «не только о чем-либо *говорит* (что-либо денотирует), он сам в

каждую конкретную минуту *является* чем-то одним или чем-то другим (например, ...плоским, как доска) <...>слова, а значит, и фразы, а значит, и целые тексты всегда одновременно являются и знаками, и вещами. Стилль – это не что иное как тот, назовем его чувственно воспринимаемым, аспект текста, который Якобсон именовал «ощутимым» [Там же, с. 429–430].

Б. А. Успенский и Ж. Женетт распространяют свою концепцию стилия на произведения искусства. «Под стилем применительно к произведению искусства, так же, как и в отношении естественного языка, понимается явление чисто языковое (в широком семиотическом смысле), во-первых, и явление, относящееся к плану выражения, во-вторых» [Успенский, 1969, с. 495]. Ж. Женетт отдельно останавливается на возможности использования понятия коннотации «в области искусств, не обладающих денотативной функцией, таких, как музыка, архитектура или и абстрактная живопись» и приходит к выводу, что «в расширительном употреблении» это вполне возможно (каким образом Моцарт слагает звуки, Браманте располагает колонны, а Поллок кладет цветные пятна на полотно» [Женетт, 1972, с. 428].

Лингвист, семиотик и художник Ю. К. Лекомцев переформулировал теорию различения, которой он придал математическое выражение. В теории различения выделяются «дифференторы» (признаки-«различители»). Для определения стилия теория различения интересна в том отношении, что она «прокладывает мостик» между стилиями в языке и в живописи. Ю. К. Лекомцев. Сопоставляя живописное полотно (картину) и предложение. устанавливает следующие соответствия: размер и формат картины – длина предложения; пятна различной величины – синтаксические единицы различной протяженности; цвет и тон пятна – фонемный состав синтаксической единицы; мазок – слог; контуры пятна или группы пятен – пограничный сигнал синтаксической единицы; композиция пятен на плоскости картины – порядок синтаксических единиц в предложении; соотношение цветов и тонов – звуковой гештальт предложения, интонация, ритм [Лекомцев, 1969, с. 456-457].

В концепции историка и теоретика искусства Г. Вёльфлина «Основные понятия истории искусств» (1915) подвергаются тщательному анализу классический стиль, ранний и высокий ренессанс, барокко, взятые в их исторической последовательности. Он придает понятию стилия масштабное смысловое содержание и высокое звучание. От индивидуального стилия он переходит к национальному (народному) стилю и от него – к стилю эпохи. Но главное, что интересует Г. Вёльфлина, – «способ изображения как таковой» и «всеобщие формы изображения». Он пишет о том, что «в истории стилия можно открыть нижний слой понятий»; выдвинутые им оппозиции, относящиеся к этому «нижнему слою», допускают такую же перекодировку в собственно языковые «дифференторы», как это сделано в теории различения [Вёльфлин, 2020, с. 13].

Когнитивный подход

С когнитивной точки зрения язык есть способ хранения и представления информации, передача которой осуществляется в процессе общения. В языковом знаке информация предстает как денотация и как коннотация. Языковой знак является одновременно денотативным и коннотативным. Слово *мак* как денотативный языковой знак представляет собой соединение денотативного означающего [мак] и

денотативного означаемого «травянистое растение с крупными цветками». Слово *мак* как коннотативный языковой знак представляет собой соединение коннотативного означаемого – денотативного языкового знака *мак* и коннотативного означаемого.

В когнитивной поэтике стиль становится объектом рассмотрения через понятие текстуры, которая относится к тексту и представляет собой материальный объект [Stockwel, 2002, с. 167]

Это утверждение соотносится с концептуализацией текста как вещи, о чем, интерпретируя Сартра, пишет Ж. Женетт. Текст воспринимается перцептивно, то есть так же, как мы воспринимаем предметы и явления внешнего мира. В когнитивной поэтике усматривается сходство между «стилистической структурой художественного текста и чувственным опытом читателя» [Там же]. «Текстура имеет тот смысл, что материальность объекта явлена вместе с любым содержанием, которое через него передается» [Там же]. Это положение П. Стоквелла согласуется с соотношением стиля и дискурса, о котором писал Ж. Женетт: «Стиль – это осязаемый аспект дискурса, который по определению соответствует ему от начала до конца, без перерывов и колебаний. Колебаться может перцептивное внимание читателя и его чувствительность к той или иной модальности осязаемости. Нет никакого сомнения в том, что очень короткая или очень длинная фраза скорее привлечет к себе внимание, чем фраза средней длины<...> Однако и средних размеров фраза, и стандартное слово, и заурядное описание не менее «стилистичны», чем любые другие» [Женетт, 1972, с. 438]. Обращаясь к противопоставлению фигуры и фона, принятому в когнитивистике, П. Стоквелл демонстрирует различные стилистические эффекты, определяемые материальностью текста и когнитивными способностями читателя.

В когнитивной психологии выделяют когнитивные стили, понимаемые как «индивидуально-своеобразные способы переработки информации» [Дружинин, Ушаков, 2002, с. 283]. Подчеркивается, что «когнитивные стили относятся к числу базовых характеристик индивидуальности, о чем свидетельствует их тесная связь с возрастом, полом, особенностями функционирования нервной системы» [Там же, с. 308]. Пол, возраст, эмоции – содержание стилистической информации. Сверх того, когнитивные стили в психологии – это «формально-динамические характеристики интеллектуальной деятельности» [Там же, с. 283], что отсылает нас к позиции Ш. Балли, утверждавшего неразрывную связь стиля и мышления.

В этом свете представляет интерес языковое прочтение когнитивных стилей, выделяемых в психологии. Касаясь этой темы по касательной, приведем пример, относящийся к когнитивному стилю «полезависимость /поленезависимость»; говоря, упрощенно, это способность различать фон и фигуру. Сравним два текстовых фрагмента:

Дядя организовывал коллективные заплывы. Учреждал традиционные лыжные кроссы. Проводил волейбольные матчи (С. Довлатов)

Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест берез с атласно-белыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей – и зелено-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за

болтливыми галками, обитавшими с многочисленным родством в развалившихся трубах и в темных чердаках, где пахнет старыми кирпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры серо-фиолетовой золы золотой свет; ветер замирал, сонно ползали пчелы по цветам у балкона, совершая свою неспешную работу, – и в тишине слышался только ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы тополей (И. Бунин).

Довлатовский текст строится из простых предложений без каких-либо распространителей. Иначе говоря, здесь «фон» убран, остается только «фигура». Перед нами полнезависимость, сопоставимая в живописи с портретным изображением, в котором «фоном» является белый холст. Текст И. Бунина представляет собой сложное предложение с сочинением и подчинением, в котором простые предложения распространены разнообразными обстоятельствами и определениями. обилием атрибутивных и наречных определителей. «Тело» предложения – это описание «фона», в котором, что называется, утоплена «фигура» – ветер. Бунинский текст воплощает когнитивный стиль «полнезависимость».

Языковое прочтение допускают и другие когнитивные стили – такие, как узкий / широкий диапазон эквивалентности, конкретная – абстрактная концептуализация, когнитивная простота – когнитивная сложность.

Концепт стиля не подвергался рассмотрению в когнитивной лингвистике. Завершая статью, мы попытаемся представить концепт стиля.

В начале мы хотим ответить на вопрос о том, почему слова *слог* и *склад* уступили в истории русского языка слову *стиль*. Отчасти этот ответ напрашивается сам собой по ходу рассмотрения того, какие разные виды человеческой деятельности (включая поведение человека) наделяются стилем в современном языковом сознании. Но есть и другое соображение: внутренняя форма этих слов предполагает сложение из частей, а *стиль*не мыслится как состоящий из частей (ср. невозможность *части стиля).

Пользуясь различием Дж Лакоффа, можно сказать, что стиль – это не элементарный, а сложный концепт, в котором «упаковано» значение стиля как «способа действия» и как «совокупности признаков». Начать приходится с действия и деятельности, которую Ю.Д. Апресян определяет как «совокупность разнородных действий, имеющих одну конечную цель...» [Апресян 2006:86]. В когнитивной концепции Дж. Лакоффа выделяется базовый уровень категоризации, соотнесенный с доконцептуальной структурой опыта, куда входит образно-схематическая, структурными элементами которой являются: «ИСТОЧНИК (исходный пункт), НАЗНАЧЕНИЕ (конечный пункт), ПУТЬ (последовательность смежных положений, соединяющих источник и назначение» [Лакофф 2004:358]. Действие и деятельность концептуализируются в нашем сознании в соответствии с данной образно-схематической схемой: «Цели понимаются в терминах места назначения, и достижение цели понимается как движение по пути от исходного пункта в конечный пункт» [Там же]. Писатель, создающий художественный текст, художник, создающий художественное полотно, проходят этот путь от начала до конца и создают тот продукт (вещь), который концептуализируется в соответствии со схемой базового уровня «ВМЕСТИЛИЩЕ» со структурными элементами «ВНУТРЕННЕЕ / ГРАНИЦА / ВНЕШНЕЕ»

[Там же]. Вещь, будь то предмет мебели, художественный текст или скульптура, «экземплифицирует» все свои свойства.

В действиях и в деятельности человека вырабатываются схожие пути в достижении схожих целей. Так создаются правила, следование которым должно обеспечить успешный результат. Систематически действие и деятельность, концептуализируемые как путь, отступают от правил, что может привести к провалу либо к блистательному результату. В значении стиля как способа действия получают языковое воплощение ментальные представления человека о движении по пути к цели. В случае закрепленных и проверенных способов они получают специальное название: научный, официально-деловой, публицистический стиль, стиль как многоязычие, стили в искусстве. Отступление от правил, если оно принадлежит конкретному автору («агенсу»), получает название индивидуально-авторского стиля.

Из множества признаков, которыми наделен «готовый продукт», некоторые опознаются как ожидаемый исход стиля как способа действия (действие претворяется в качество). В других случаях готовый «продукт» (текст, живописное полотно) представляет присущий именно ему набор характеристик.

В определении стиля как «совокупности признаков» получают языковое воплощение когнитивные способности человека к различению, отождествлению и градации отождествлений. Размышления над тем, почему концепт стиля неэффективен в отношении природы, приводят к следующему итогу: мы знаем, распознаем и взаимодействуем с тем, что «сотворено», но для нас закрыты путь и цель «сотворенного»; возможно, вместе с «агенсом» это существовало в единственном числе.

Выводы. Итак, стиль не имеет общепринятого определения в гуманитарных науках, в частности, в силу того, что проблема стиля состоит в его двойственности: он является способом совершения действия и неотделим от него как лицевая и обратная сторона бумаги, если воспользоваться сравнением Соссюра; одновременно стиль представляет собой совокупность признаков, характеризующих «готовый продукт» – результат деятельности и действия.

К важнейшим выводам относится заключение о месте стилистики среди гуманитарных наук. Мы хотели бы отметить, что существуют две точки зрения на соотношение лингвистики и стилистики. Первая из них выводит стилистику за пределы лингвистики, вторая считает ее лингвистической дисциплиной.

Первый аргумент сторонников противопоставления лингвистики и стилистики состоит в том, что для описания системы языка не требуется привлечения стилистических различий. Т.Г. Винокур приводит утверждение П. Сокконена: «...стилистические характеристики всегда выходят за пределы грамматики и только мешают адекватному описанию системы языка» [Винокур, 2009а, с. 9]. Вторым аргументом состоит в том, что стилистика – в каком бы варианте её ни представляли – ни в коей мере не соответствует тем требованиям точности и объективности, которым должна соответствовать лингвистика как наука о языке. Оба этих аргумента имеют свою силу.

Действительно, стилистика не требуется, если изучать язык как конструкт, отвлекаясь от его носителя, от социума, от функционирования языка. Как только

принимаются во внимание эти факторы, картина совершенно изменяется, и надо сказать, что именно стилистика поставила «человеческий фактор» в центр изучения языка.

Относительно второго аргумента приведем вначале замечание Т. Г. Винокур: «...наиболее удручающие стилистов «пороки» исследования явлений стиля предстали их взору не только как следствие неверной методы, а в гораздо большей степени – как непреодолимое свойство самой науки, как бы адекватное свойствам фактов, которые она изучает» [Винокур, 2009а, с. 4-5]. Иначе говоря, стилистика выработала тот понятийный аппарат, который соответствует природе её объекта. «... все гуманитарные науки и все науки о жизни именно для того, чтобы остаться строгими, должны непременно быть неточными <...> Неточность исторических гуманитарных наук не порок, а лишь исполнение для этого рода исследований требования» [Хайдеггер, 1993, с. 44].

И, чтобы окончательно снять второй аргумент, приведем мнение А. А. Зализняка, исследования которого – образец точности и объективности: «Если слово «доказать» иногда и применяется иногда в гуманитарных науках, то лишь в несколько ином, более слабом смысле, чем в математике. Строгого определения для этого «доказательства в слабом смысле», по-видимому, дать невозможно<...> Все это не значит, однако, что утверждения гуманитарных наук вообще не могут претендовать ни на какую точность и надежность <...>В гуманитарных науках, так же, как например, в естествознании, долгим опытом выработаны критерии, позволяющие оценивать степень обоснованности того или иного утверждения даже при условии невозможности доказательства в абсолютном смысле» [Зализняк, 2023, с. 54-55].

Литература

- Апресян, Ю. Д. (Ред.) (2006). *Основания системной лексикографии. Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва: Языки славянской культуры.
- Балли, Ш. (2001). *Французская стилистика*; перевод с французского. Под редакцией. Москва: Эдиториал УРСС.
- Бенвенист, Э. (1974). Природа языкового знака. *Общая лингвистика*. Москва. 90–96.
- Вельфлин, Г. (2020). *Основные понятия истории искусств*; перевод с немецкого. Санкт-Петербург: Лань.
- Винокур, Г. О. (1959). О задачах истории языка. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз.
- Винокур, Т. Г. (2009). *О содержании некоторых стилистических понятий*. Москва: ЛИБРОКОМ.
- Винокур, Т. Г. (2009а). *Закономерности стилистического использования языковых единиц*. Москва: ЛИБРОКОМ.
- Вомперский, В. П. (1988). *Риторика в России XVII–XVIII века*. Москва: Наука.
- Долинин, К. А. (1978). *Стилистика французского языка*: учебное пособие. Ленинград: Просвещение.
- Дружинин, В. Н., Ушаков, Д. В. (Ред.) (2002). *Когнитивная психология*: учебник для вузов. Под редакцией. Москва: ПЕР СЭ.
- Ельмслев, Л. (1999). Прологомены к теории языка. *Зарубежная лингвистика. Ч. 1: Новое в лингвистике*: избранное: перевод с английского. Под редакцией. Москва: Прогресс.
- Женетт, Ж. (1998). Стиль и значение. *Фигуры*: в 2-х т. Москва. 2, 407–451.
- Зализняк, А. (2023). *Из заметок по любительской лингвистике*. Москва: Альпина нон-фикшн.
- Карамзин, Н. М. (1964). *Избранные сочинения*: в 2-х т. Т. 2. Москва; Ленинград: Художественная литература.
- Кожина, М. Н., Дускаева, Л. Р., Салимовский, В. А. (2008). *Стилистика русского языка*: учебник. Москва: Флинта, Наука.
- Лакофф, Дж. (2024). *Женщины, огонь и опасные вещи*; перевод с английского. Москва: Языки славянской культуры.
- Лекомцев, Ю.К. (1969). *Глоссематическая теория лингвистических оппозиций и теория различения в семантике и дескриптивной семиотике*: труды по знаковым системам. IV, вып. 236. Тарту: Изд-во Тартуский гос. ун-т
- Олзоева, С.А. (2014). *Слово и понятие «стиль» в русском языке и русском дискурсе XVIII – первых десятилетий XIX века*: дипломная работа. Москва: МГУ.
- Панов, М. В. (2004). *О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)*: труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2-х т. Под редакцией. Москва: Языки славянской культуры. 1, 103–136.

References

- Aprésyan, Yu. D. (2006). *Foundations of systemic lexicography. Linguistic picture of the world and systemic lexicography*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
- Bally, S. (2001). *French style*; translation from French. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
- Benveniste, E. (1974). The nature of the linguistic sign. Benveniste E. *General linguistics*. Moscow. 90–96. (In Russian).
- Dolinin, K. A. (1978). *Stylistics of the French language*. Leningrad: Prosveshcheniye. (In Russian).
- Druzhinin, V. N., Ushakov, D. V. (ed.) (2002). *Cognitive psychology: a textbook for universities*. Moscow: PER SE. (In Russian).
- Genette, J. (1998). Style and meaning. Works on poetics. *Figures*. In 2 vol. Moscow. 2, 407–451. (In Russian).
- Heidegger, M. (1993). *Time and Being: Articles and Speeches*. Transl. from German. Moscow: Respublika. (In Russian).
- Jelmslev, L. (1999). Prolegomena to the theory of language. *Foreign linguistics. Part 1: New in linguistics: favorites*: translation from English. Moscow: Progress. (In Russian).
- Karamzin, N. M. (1964). *Selected works*. Vol. 2. Moscow–Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovsky, V. A. (2008). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian).
- Lakoff, J. (2024). *Women, fire and dangerous things*. Transl. from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
- Lekomtsev, Yu. K. (1969). *Glossematic theory of linguistic oppositions and theory of distinction in semantics and descriptive semiotics*. Works on sign systems, 4, 236. Tartu: University of Tartu. (In Russian).
- Olzoeva, S. A. (2014). *The word and concept “style” in the Russian language and Russian discourse of the 18th – first decades of the 19th century*: thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Panov, M.V. (2004). *About pronunciation styles (in connection with general problems of stylistics)*: works on general linguistics and the Russian language: in 2 volumes. Vol. 1. Eds. E.A. Zemskaya, S.M. Kuzmina. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).
- Petrishcheva, E. F. (1984). *Stylistically colored vocabulary of the Russian language*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Rezvina, O. G. (2020). *Language and text*: monograph. Moscow: MAX Press. (In Russian).
- Shukshin, V. M. (2009). *The desire to live*. Collected works in 8 volumes. Vol. 3. Moscow. 3, 88–105. (In Russian).
- Stockwell, P. (2002). *Cognitive poetics: An Introduction*. London and New York: Routledge. (In Russian).
- Trediakovsky, V. K. (2009). *Works and translations in both poetry and prose*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Петрищева, Е. Ф. (1984). *Стилистически окрашенная лексика русского языка*. Москва: Наука.

Ревзина, О. Г. (2020). *Язык и текст*: монография. Москва: МАКС Пресс.

Тредиаковский, В. К. (2009). *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою*. Санкт-Петербург: Наука.

Успенский, Б.А. (1969). *Семиотические проблемы стиля в лингвистическом освещении*: труды по знаковым системам. IV, вып. 236. Тарту: Изд-во Тартуский гос. ун-т.

Хайдеггер, М. (1993). *Время и бытие*: статьи и выступления; перевод с немецкого. Москва: Республика.

Шукшин, В. М. (2009). *Охота жить*. Собрание сочинений: в 8 т. Под редакцией. Т. 3: Москва. 3, 88–105.

Stockwell, P. (2002). *Cognitive poetics: An Introduction*. London and New York: Routledge.

Uspensky, B. A. (1969). *Semiotic problems of style in linguistic coverage*. Proceedings on sign systems. 4, 236. Tartu: University of Tartu. (In Russian).

Vinokur, G. O. (1959). *On the tasks of the history of language*. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).

Vinokur, T. G. (2009). *On the content of some stylistic concepts*. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).

Vinokur, T. G. (2009a). *Regularities of stylistic use of linguistic units*. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).

Vompersky, V. P. (1988). *Rhetorics in Russia in the 17th–18th centuries*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Wölfflin, G. (2020). *Basic concepts of art history*. Transl. from German. St. Petersburg: Lan'. (In Russian).

Zaliznyak, A. (2023). *From notes on amateur linguistics*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russian).

Источники

БТС – Кузнецов, С.А. (Ред.) (2004). *Большой толковый словарь русского языка*. Под редакцией. Санкт-Петербург: Норинт.

С 24 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (2000). Вып. 24: Се – Скорый. Москва: Наука.

С 25 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (2000). Вып. 25: Скорыня – Снулый. Москва: Наука.

СМ – Срезневский, И. И. (1912). *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*: труд И. И. Срезневского. Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук. Т. 3, вып. 4: Дополнения: А-Я.

СС – Евгеньева, А.П. (Ред.) (1970). *Словарь синонимов русского языка*: в 2 т. Т. 1: А-Н. Под редакцией. Ленинград: Наука.

Фадеев, А. А. Молодая гвардия. *LibreBook.me*: сайт. URL: https://librebook.me/molodaia_gvardiia/vol1/2

ЭС – Цыганенко, Г.П. (1989). *Этимологический словарь русского языка*: более 5000. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Рад. шк.

Sources

Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. (2000). 24 (Se — Skoryy). Moscow: Nauka. (In Russian).

Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries. (2000). 25 (Skoryn'ya — Snulyy). Moscow: Nauka. (In Russian).

Evgenieva, A. P. (ed.) (1970). *Dictionary of synonyms of the Russian language*. In 2 vols. Vol. 1: A–N. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Fadeev, A. A. (n./d.). Young Guard. LibreBook.me: website. Retrieved from: https://librebook.me/molodaia_gvardiia/vol1/2 (In Russian).

Kuznetsov, S. A. (ed.) (2004) *Large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. (In Russian).

Sreznevsky, I. I. (1912). *Materials for a dictionary of the Old Russian language*. St. Petersburg: Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).

Tsyganenko, G. P. (1989). *Etymological dictionary of the Russian language*. Kyiv: Rad. shk. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Ревзина, О. Г. (2023). Понятие стиля в свете разных теоретических подходов. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 5(10), 8–30. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-8-30

For citation:

Revzina, O. G. (2023). Concept of style in light of different theoretical approaches. *VERBA. North-West linguistic journal*, 5(10), 8–30. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-8-30